

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОВОЗОР

2/1989

ГДЕ ВЫ,
ПАВЛЫ
ВГЛАСОВЫ?

Кто понесет знамя перестройки
Бойцы ленинской гвардии и Сталин
Н. К. Крупская. Горечь последних лет
Формула успеха Георгия Товстоногова
Русские песни Екатерины Гудковой
А. Карелин. Дело, достойное мужчин

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Эстрада за колючей проволокой
Лилия Сандулеса из Черновцов
Встреча с Жванецким и Филиппенко
Д. Эллингтон. Бродвей в Зарядье
«Флитвуд Мак» (Англия)
Группа «Дельта-оператор»

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Андрей Вознесенский пришел в поэзию как возмездие за серость и покорность казенных талантов, которые стояли перед эпохой по стойке «смирно». Это было время, когда у людей уже оттаивали глаза и мысли, и тут возник поэт, — обесисе сине мгле, — влетел, ухватившись за синее облако, как сказано в «Слове о полку...», возник в орбитах нарядных, как бабочки, метафор, гласные и согласные буквы в его строчках пересвистывались, как птицы на проводах, ритмы извивались, как русалочья тина в быстрине; и ритмы, и звуки, и метафоры — все совпало — возникло не одно вслед за другим, а вместе: звуковой мираж, фантазия, образ речи и свободная форма.

Бог подарил ему филологическую гениальность.

Я знаю, что это слово бесит. Но я не хочу заменять его «спасительным» словосочетанием «яркий талант», тем более что множество неярких талантов были яркими. Были да сплыли.

Любовь к толпе и любовь толпы со временем исказили первоначальный образ поэта, как искажает зной далекое дерево, но это уже тоска по идеалу, плач по нерожденным поэмам. Эпатируя, дразня, сталкивая чистое и порочное, он сказал сам о себе: «Полюби меня хоть стрелой»... Трагический поэт не тот, кто пишет трагические стихи, а в ком трагична вся его суть, его слава, его мировой успех, его плачущие буквы.

О, эти буквы... Они есть у Блока, у Есенина. У других поэтов есть только слова, у третьих — только строчки, у четвертых — только стихи, как провода без птиц, а слова и буквы — нету. У Вознесенского есть буквы!

И. ШКЛЯРЕВСКИЙ

Фото Н. КОЧНЕВА

ОСЕНЬ В СИГУЛДЕ

Свисаю с вагонной площадки,
прощайте,

прощай, мое лето,
пора мне,
на даче стучат топорами,
мой дом забивают дощатый,
прощайте,

леса мои сбросили кроны,
пусты они и грустны,
как ящик с аккордеона,
а музыку — унесли,

мы — люди,
мы тоже порожни,
уходим мы,
так уж положено,
из стен,
матерей
и из женщин,
и этот порядок извечен,

прощай, моя мама,
у окон

ты станешь прозрачно,
как кокон,
наверно, умаялась за день,
присядем,
друзья и враги, бывайте,
гуд бай,
из меня сейчас
со свистом вы выбегаете,
и я ухожу из вас,

о родина, попрощаемся,
буду звезда, ветла,
не плачу,
не попросайка,
спасибо, жизнь, что была,

на стрельбищах
в 10 баллов
я пробовал выбить 100,
спасибо, что ошибался,
но трижды спасибо, что

в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак,

«Андрей Вознесенский» —
будет,
побывать бы не словом,
не бульдиком,
еще на щеке твоей душевной —
«Андрюшкой»,

спасибо, что в рощах осенних
ты встретилась,
что-то спросила
и пса волокла за ошейник,
а он упирался,

спасибо,
я ожил, спасибо за осень,
что ты мне меня объяснила,
хозяйка будила нас в восемь,
а в праздники силло басыла
пластинка блатного попиба,
спасибо,

но вот ты уходишь, уходишь,
как поезд отходит,
уходишь...
из пор моих полых уходишь,
мы врозь друг из друга уходим,
чем нам этот дом неуютен?

Ты рядом и где-то далеко,
почти что у Владивостока,

я знаю, что мы повторимся
в друзьях и подругах,
в травинках,
нас этот заменит и тот, —
«природа боится пустот»,

спасибо за слутые кроны,
на смену придут миллионы,
за ваши законы — спасибо,

но женщина мчится по склонам,
как огненный лист за вагоном...

Спасите!

ТОСКА

Загляжусь ли на поезд
с осенних откосов,
забреду ли в вечернюю
деревишку —
будто душу высасывают насосом,
будто тинет вытяжка
или вьюшка,
будто что-то случилось
или случится —
ниже горла высасывает ключицы.

Или ност какая вина
запущенная?
Или женщину мучил —
и вот наказанье?
Сложишь песню — отпустит,
а дальше — пуце.
Показали дорогу,
да путь заказали.
Точно тайный горб
на груди таскаю —
тоска такая!

Я забыл, какие у тебя волосы,
я забыл, какое твое дыханье,
подари мне прощенье,
коли виновен,
а простивши —
опять одари виною...

1967 г.

Не надо околичностей,
не надо чупь молоть.
Мы — дети культа личности,
мы кровь его и плоть.
Мы выросли в тумане,
двусмысленном весьма,
среди гигантоманий
и скудости ума.
Отцам за Исык-Кули,
за домны, за пески
не орденами — пулями
сверлили пиджаки.
И серые медали
довесочков свинца,
как пловбы, повисали
на души, на сердца.
Мы не подозревали,
какая шла игра.
Деревни вымирили.
Чернели вечера.
И огненной подковой
горели на заре
венки колючих проволок
над лбами лагерей.
Мы люди, по распутию
ведомые гуськом,
продутые, как прутья,
сентябрьским сквозняком.
Мы — сброшенные листья,
мы музыка оков.
Мы мужества амнистий
и сорванных замков.
Распахнутые двери,
сметенные посты.
И ярость новой ереси,
и яркость правоты.

1961 г.

1956 г.

Когда грозные подземные удары искорежили жизнь людей и воцарился хаос, он принес свой облик, свои законы, свои приметы. Всего несколько часов они владели пространством, где недавно стояли, казалось бы, прочно города и деревни, заводы и фермы. Но жизнь, бытие мгновенно вступило в противоборство с хаосом. Человеческое бытие, и его законы, его приметы начали утверждаться на дымящихся руинах и прахе. Они стали особыми: законами и приметами Единения.

Беда Армении стала раной всей страны, всего мира. Так обрела плоть истина конца XX века: сегодня мир целостен. Целостен, несмотря на все его противоречия. Приметы, знаки этой целостности были зримы и ощутимы среди руин. Руины стали наделены глобальной географией: здесь трудились спасатели Франции, Швеции, здесь разбили палатку поисковики Англии, здесь приземлились вертолеты с грузом из США, здесь... Еще и еще...

Но главным знаком разделенной всем миром трагедии стали единство, общность народов нашего государства.

Эмоциональные дискуссии поры, предшествующей землетрясению, то и дело доносили из разных далей и весей страны непродуманные сепаратистские выкрики. Беда доказала всем: мы не можем друг без друга, мы сильны и жизнеспособны только тогда, когда мы вместе. Когда мы — единое, сильное государство.

Это поняли даже многие из тех, кто думал, что проживет без друж-

ЕДИ- НЕ- НИЕ

бы. Ведь и они увидели, что каждый человек — сын, дочь нашего общего отечества. Увидели, поняли, когда глава Государства М. С. Горбачев не на заседаниях в Москве, а здесь, среди слез и праха, говорил с людьми, страстно и горестно выясняя людские нужды и боли. Когда усталое лицо Н. И. Рыжкова, главы общесоюзного, общего нашего Правительства, стало ежедневно-привычным для всех, кто жаждал помощи. Когда многоязыкая речь разных народов и национальностей вобрала в себя тревоги древних армянских плачей, мужество и энергию тысяч людей, научила друг друга паролю к действиям.

Сегодня на месте разобранных руин уже видятся дома, намечаются маршруты будущих улиц. Их названия, как некогда в Ташкенте, наверное, тоже станут знаками братства и единения. Они будут наречены именами тех краев и городов страны, откуда пришла братская помощь.

Но перед глазами до сих пор стоят знаки единения первых дней трагедии. И заставляют размышлять о многом.

Тогда на телеэкранах возникали длинные очереди к импровизированным донорским пунктам. И я вспоминала вот что: в годы войны после ранения я лежала во многих госпиталях, и много раз мне делали переливание крови. И всякий раз я пыталась представить незнакомого человека, спасшего меня, с которым мы породнились, сами того не ведая.

Эта общая кровь, как и та, что была совместно пролита в боях, давала предметно ощутить наше кровное братство. Кровь была его знаком.

Но в годы войны мы узнали и другое. Что кровь может стать знаком изуверского разделения народов. Гитлеровский расизм, провозгласивший принцип «чистоты арийской крови», обрек миллионы людей на смертные рвы и печи концлагерей.

Конечно, расизм — самое крайнее, самое чудовищное выражение национализма, шовинизма, национальной нетерпимости. Но нужно всегда помнить, что всякая национальная рознь таит в себе трагедию.

Беда Армении еще раз открыла нам необоримую силу великого братства по крови. Поэтому особенно кощунственны и противоестественны любые призывы к вражде о крови.

Так пусть же трагедия вразумит заблудших, покарает злонамеренных. Пусть все наши люди всегда вершат великий обряд Единения.

Галина ШЕРГОВА

Фото И. ГАВРИЛОВА,
В. НЕКРАСОВА

XVII съезд ВКП(б) происходил в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 г. ... Съезд вошел в историю Коммунистической партии как съезд победителей. Съезд проходил под флагом полной победы ленинизма и ликвидации остатков антиленинских групп... Съезд потребовал от всех членов партии настойчивой борьбы за осуществление второго пятилетнего плана, призвал коммунистов, всех рабочих и колхозников к беспощадному разгрому контрреволюционных вылазок классового врага, к неуклонной борьбе со всяким оппортунизмом, к преодолению всех трудностей на пути строительства социализма...

Большая советская энциклопедия, т. 38, 1955 г.

ПРАВДА — ГОВОРИ!

XVII съезд партии в ретроспективе истории

Планы истребления ленинской гвардии Сталин вынашивал давно. Окончательное решение он принял в 1934 году на XVII съезде партии, когда чуть не лишился кресла генерального секретаря. Но и после провокационного убийства Кирова он не мог обрушиться всей силой карательных органов на ветеранов партии. Любая военная кампания требует подготовки, это он понимал.

За два года до смерти Ленин с тревогой писал о том, что «пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет зависеть не от него».

Сталин постарался сделать все от него зависящее, чтобы опасения вождя стали реальностью. «Съезд победителей» собрался в январе 1934 года. Сталин буквально купался в лучах собственного сияния. Со времени XVI съез-

да, который генсек нарек съездом «развернутого наступления социализма по всему фронту», прошло три с половиной года. Сталин-докладчик объявил, что за это время Советский Союз преобразился в корне, «сбросив с себя обличье отсталости и средневековья». За «отчетный период» страна превратилась из аграрной в индустриальную державу с процветающим механизированным сельским хозяйством и расцветающей культурой. Утверждая это, он, как обычно, упоминал — цитировал к случаю Ленина.

Спектакль под названием «XVII партсъезд» был разыгран по классическим канонам борея добра со злом. Лидеры оппозиции, теперь уже бывшей, калялись по очереди. Среди первых — Бухарин, Томский. В сеансе самобичевания участвовали также Зиновьев и Каменев, которых затем вместе с «бухаринцами» зачислили в «троцкистскую банду» двурушников. Сталинская клика слаженно улюлюкала и с энтузиазмом славословила вождю. Отдельные робкие голоса, пытавшиеся воззвать к большевистской скромности, тонули в могучем грохоте победного оркестра.

Лидер узбекских коммунистов Акмаль Икрамов, получив слово, заметил, что не следует зазнаваться по поводу наших успехов и что словословие тоже хорошо в меру... Сталин грубо оборвал жалкого «нытика» и «маловеера». Неудивительно, что Икрамов так скоро оказался в лагере «врагов народа». В 1937 году он пытался протестовать против убийства честных коммунистов, был арестован и уничтожен по личному указанию Сталина.

Разговоры о желательности перемещения Сталина с поста генсека на советскую работу — в Президиум ЦИК или Совнарком велись давно. Как ни прятали Завещание покойного вождя, оно было известно всем видным партийцам. На XVII съезде, после блицколективизации сельского хозяйства и голода, унесшего миллионы жизней, после неудавшихся экспериментов в планировании и строительстве гигантов индустрии (а среди делегатов было немало информированных людей), после судебных процессов над «вредителями» и «шпионами», горячо обсуждали (в кулуарах, разумеется) такой вариант: генсеком — Киров, председателем СНК — Сталин.

В 1936 году в Париже Бухарин рассказывал Б. Н. Николаевскому, что некоторые большевики связывали свои надежды на изменение жесткого сталинского курса с именем Кирова.

Для многих работников в центре и на местах сталинский диктат стал нетерпим. Грубое админи-

Мы предлагаем читателям с некоторыми сокращениями главу из книги А. В. Антонова-Овсенко о Сталине, которая полностью печатается в журнале «Вопросы истории» и выйдет отдельным изданием в «Московском рабочем».

Автор родился в 1920 году в семье героя Октябрьской революции и гражданской войны В. А. Антонова-Овсенко, и это определило его судьбу. Сталинские репрессии не обошли соратника Ленина, его арестовали в октябре 1937 года, вскоре после возвращения из Испании, где он был генеральным консулом СССР в Барселоне. Его обвинили в шпионаже и казнили сразу же после заседания Военной коллегии Верховного суда 8 февраля 1938 года. Сыну не без препятствий все же удалось окончить исторический факультет Московского городского педагогического института.

В 1943 году Антона Владимировича обвинили в террористической деятельности и антисоветской агитации. Следовате-

РАССТРЕЛЯННЫЕ

Выступление Сталина на XVII съезде партии. 1934 г.

стрирование Сталина, засилье его приверженцев в ЦК тяготили. Знал ли вождь об этих нездоровых, с его точки зрения, настроениях? Безусловно. Еще в январе 1933 года по его указке Объединенный пленум ЦК и ЦКК осудил А. П. Смирнова, В. Н. Толмачева и Н. Б. Эйсмонта. Единственная вина трех старых большевиков заключалась в том, что они в тесном дружеском кругу (а сталинская агентура на что?) говорили о возможности замены Сталина на посту генсека другим политическим лидером. За крамольные мысли они заплатились жизнью.

Узнал Хозяин и о вечерней беседе на квартире Серго Орджоникидзе в канун выборов в ЦК. Собравшиеся у него Григорий Петровский, Станислав Косиор, Борис Шейболдаев, Роберт Эйхе, Мамия Орахелашвили убеждали Кирова в необходимости отставки Сталина. На пост генсека они прочли самого Кирова. Но он отказался.

Настал последний и, пожалуй, самый важный день работы съезда. Здесь нам понадобится точность документалиста. Для проведения тайных выборов Центрального Комитета была образована счетная комиссия в составе 41 делегата. Их распределили по тринадцати урнам — по три человека на каждую. Кстати, на предыдущем съезде пользовались двумя урнами, а до этого — лишь одной. Теперь — тринадцать. И что примечательно — к каждой урне прикрепляли определенное количество голосующих по спискам. Скажем, от 1 до 100 номеров делегатских билетов. В этом случае данные по каждой урне раскрывали результаты голосования каждой делегации.

Можно ли считать такие выборы тайными?

При Ленине председателем счетной комиссии съездов обычно избирали Николая Скрыпника, человека редкой революционной отваги. В делах партийных он мог быть педантом, и в работе счетной комиссии это качество ценилось особо. При Сталине председателем счетной комиссии неизменно ставили В. П. Затонского.

Итак, заместитель — В. П. Затонский, заместитель председателя — В. М. Верховых, старый член партии, бывалый солдат. Сама процедура голосования отняла не более двух часов. Тройки членов счетной комиссии вскрыли урны, подсчитали бюллетени, составили

по форме протоколы и доложили Затонскому и Верховых результаты. Как, против товарища Сталина подано 292 голоса?! Четвертая часть делегатов не желала видеть триумфатора в составе ленинско-сталинского ЦК?!

Решили посоветоваться с членами Политбюро и секретарями ЦК Молотовым и Кагановичем. Каганович понимал, что конец карьеры Сталина — его, Лазаря, конец. Человек действия, он распорядился сжечь 289 крамольных бюллетеней. Три разрешил оставить приличия ради. Соответственно пришлось переделать все 13 протоколов и сводный протокол. Делегатам объявили обобщенные результаты голосования: все намеченные в списке кандидаты прошли в состав ЦК.

...У всех перед глазами был живой пример Ленина, неизменно подававшего при выборах в ЦК голос против своей кандидатуры. Когда Троцкий на VIII съезде получил 50 голосов против при выборах в ЦК, никто из этого факта события не делал. Но вот настали другие времена — и воцарились другие партийные нравы. Теперь число кандидатов соответствует точно числу мест в ЦК. Так что намеченные люди провалиться на «выборах» не могли.

Генсек в те годы уже осуществлял единоличную верховную власть в стране. Он держал в одном кармане своего «президента», Михаила Калинина, в другом — «премьера», Вячеслава Молотова. 292 голоса против — такого в истории партии еще не случилось!

История внешней и внутренней политики Сталина — это реестр провалов. Верно замечено, что любому государственному деятелю на Западе хватило бы ничтожной доли катастрофических просчетов генсека, чтобы навсегда лишиться доверия своего правительства и народа. А Сталин остался на посту. По обычаю всех азиатских деспотов, не ведавших отставки.

Долгое время документы счетной комиссии XVII съезда хранились в Центральном партийном архиве в сверхсекретном фонде, и никто, даже работники ЦК, не имели к ним доступа. Проверить материалы удалось лишь после XX съезда партии, в 1957 году. В архив прибыла специальная комиссия Политбюро, в состав которой входил личный помощник председателя КПК Н. М. Шверника. Бюллетени и протоколы голосования хранились в специальном контейнере под сургучными печатями. Подняли сначала сводный протокол. В нем показано, что против кандидатур Сталина и Кирова голосовали по три делегата. По данным мандатной комиссии, на съезде

С. М. Киров, М. С. Чудов и другие делегаты во время работы XVII съезда партии.

Фото из фондов ЦГАКФД СССР.

ли не добились от него «чистосердечных признаний». Материалами дела «вину» доказать не удалось, но все это не помешало Особому совещанию НКВД отправить сына «врага народа» в лагерь. В заключении он находился до 1953 года и вернулся в Москву из Заполярья только после смерти Сталина.

XX съезд партии вернул честное имя Владимиру Александровичу Антонову-Овсенко. Вслед за тем был реабилитирован и сын. Он обратился к своей профессии историка и опубликовал две книги о революционной деятельности отца. Они вышли в Москве (в 1965 году) и в Ленинграде (в 1975 году) под псевдонимом Антон Ракин.

Помимо книги о Сталине А. В. Антонов-Овсенко завершает работу над рукописью о преступном пути многолетнего сталинского фаворита Лаврентия Берии.

Эта книга также выйдет в издательстве «Московский рабочий».

ПОБЕДИТЕЛИ

в этот день присутствовали 1225 делегатов с решающим голосом. В сводном же протоколе число голосовавших зафиксировано — 936. Проверили наличие бюллетеней, их оказалось ровно 936. Дефицит составил 289 голосов.

Как могли образоваться эти «ножницы»? Выборы ЦК нового состава проводились на вечернем заседании, после перерыва. Неужели без малого триста человек скоростно скончались? Но, может быть, существовал другой вариант, реальный? О нем поведал заместитель председателя счетной комиссии съезда В. М. Верховых.

Василия Мефодьевича пригласили в ЦК и попросили вспомнить тот январский вечер 1934 года. О результатах архивных розысков решили пока умолчать. И Верховых доложил комиссии: против Сталина было подано 292 голоса. Председатель комиссии Затонский решил посоветоваться с секретарем ЦК Л. М. Кагановичем. Тот попросил подождать несколько минут и вышел из комнаты. Вернувшись, он спросил, сколько голосов потерял Киров.

— Три, — ответил Затонский.

— Столько же оставте и товарищу Сталину, — распорядился секретарь ЦК. — Остальные бюллетени уничтожить. Это недоразумение надо ликвидировать немедленно.

Так и сделали.

Комиссия Политбюро предложила Верховых составить официальную памятную записку и передать ее в КПК. На другой день комиссия выехала в Ленинград. Через неделю звонок из Москвы. Заведующий секретариатом Шверника П. И. Богоявленский сообщает, что Верховых ничего не передал... Позднее, когда комиссия вернулась в Москву, Верховых вручил свои воспоминания кому считал нужным.

— Почему вы не отдали это свидетельство Богоявленскому или его сотрудникам? — спросили его. — А я им не доверяю, — был ответ.

XVII съезд ударил по Сталину как первый сигнал тревоги. Если бы не услужливость Кагановича, Молотова и других подручных, этот звонок мог стать в его карьере последним.

Генсек составляет «черный список» врагов. Но как узнать имена 292, тех, что посмели предпочесть ему, Вождю всех народов, этого выскочку Кирова? В перерывах между заседаниями съезда сталинские агенты прохаживались чинно в кулуарах, вслушиваясь в разговоры делегатов. Сталин знал, кого надо убирать в первую очередь. Но не лучше ли уничтожить всех, оставив лишь сотню заведомо преданных? Профилакти-

ка — великая вещь. Так он поступает, но не сейчас, конечно. Умение выждать — не последнее средство в борьбе за власть. К тридцать восьмому году он их всех приберет. Почти в полном составе будет репрессирована счетная комиссия, и одним из первых — Затонский.

...Февраль 1937 года. Затонский сидит в камере Бутырской тюрьмы и ждет вызова на «суд». Это — военная коллегия Верховного суда, там все давно решено, но трехминутный ритуал слушания «дела» соблюдается неукоснительно. Лязгнул дверной засов — за ним пришли. Затонский снял с себя пиджак, брюки, ботинки и роздал сокамерникам. Потом отдал и махорку, сухари.

— Берите, берите, товарищи. Я был председателем счетной комиссии на XVII съезде партии, я знаю, что меня ждет. Я не мог ничего рассказать следователю, но там все расскажу. Из суда я уже не вернусь. Никуда не вернуться. Так просто меня не расстреляют...

Надо думать, герой партийного подполья и гражданской войны, Владимир Затонский вел себя героически и на судилище. Кому только он поведет о фальшивых выборах членов ЦК на XVII съезде — сталинскому экзекутору Ульриху, этой затянута в мундир жабе с водянистыми глазами?..

Многие старые большевики, соратники Ленина, оказались за бортом ЦК с клеймом «оппозиционеров». Бухарина, Томского, Рыкова «победитель» перевел из членов ЦК в кандидаты.

Генсек готовился к третьему акту.

Уместно будет вспомнить один эпизод.

...XVII съезд партии. На трибуне представитель тульских рабочих-оружейников Артемьев: «Мы привезли показать нашим руководителям, в особенности товарищу Сталину, гениальному нашему учителю (вот уже как величают «победителя»!), несколько образцов нашей продукции». И Артемьев вручил генсеку снайперскую винтовку.

Сталин взял винтовку на прицел, направил ее в зал. Делегаты съезда разразились овацией...

И Сталин открыл снайперский огонь по партии и не прекращал его до самой смерти. Что до оваций, то их не остановила даже кончина Великого Снайпера.

«Съезд победителей» Сталин превратил в «съезд расстрелянных».

-Революционеры, которые были с Лениным, стоили целой армии». На второй звуковой странице А. В. Антонов-Овсеенко вспоминает о своем отце — большевике ленинской гвардии.

О бычный, каких десятки, ничем не выдающийся завод электроаппаратуры в Чебоксарах, выпускающий реле и контакторы. Он возник при слиянии двух предприятий, эвакуированных во время войны из Харькова и Ленинграда. Там истоки рабочих традиций, которые нынче, в пору перестройки, вспоминают на собраниях в цехах. Там получали первые профессиональные навыки ветераны, которые и теперь задают тон в трудовой жизни коллектива.

Один из них — Николай Александрович Королев, фрезеровщик первой руки, Герой Социалистического Труда. Старый питерский рабочий, он приехал в Чебоксары летом 42-го года, выбравшись из блокадного Ленинграда по ладожской Дороге жизни. Давно уже на пенсии, но станок свой в цехе никак не может оставить. По-прежнему с нетерпением открывает заветный шкаф, в котором аккуратно разложены инструменты.

— Это я все для Димки, внука, берегу, — объясняет он мне. — Скоро из армии вернется. Я из-за него и работу не бросаю. Хочу дело передать из рук в руки, чтобы не остыло, чтобы рабочая косточка держалась в нашей семье.

— Надеетесь на смену?

— Надеюсь. Молодым дело наше продолжать, — убежденно говорит Королев. — Как же мы без них, молодых-то... Должен в цех вернуться, не балабол он. До армии вместе со мной вкалывал в цехе, на этом же станке. В нем рабочая завкасса еще дедовская. Отец-то мой тоже трудяга, мы с ним вместе вон когда еще, в начале 30-х, из солдатских коек детские коляски клепали.

«Вот, — шутил отец, — вырастет в этих колясках наша рабочая смена».

Королев выключил станок и, разглядывая деталь, продолжал:

— М-да, выросла вот... Да что-то потускнела, теряет свою прежнюю привлекательность рабочая должность...

Бывая на разных заводах, слушая разговоры в цеховых курилках, на собраниях, я ловил себя на этой же мысли: не рвется, как встарь, молодой человек в рабочие люди, непрестижно, видите ли, стало. И зарплата у рабочего приличная, и квартира в первую очередь, и всякие там поощрения — садовые участки, путевки на отдых со скидкой, zahraniчные поездки за счет профсоюзом. Дворцов культуры разных сколько понастроили для семейного отдыха, культурного времяпровождения.

Отчего же, как заметил Королев, потускнела рабочая должность? Думается, причины надо искать в тех застойных годах, когда в адрес человека, стоящего у станка, несущего вахту на буровой,

Фрезеровщик В. Тимкин и его учитель Н. Королев.

«У человека, когда он чувствует, что его труд хорошо оценивается, появляется стремление работать. Он повышает свою производительность, от этого польза и ему, и обществу», — считает В. Тимкин, один из лучших фрезеровщиков Чебоксар. Слушайте звуковую страницу.

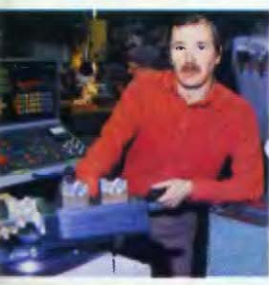
ПЕРЕСТРОЙКЕ НУЖНЫ ПАВЛЫ ВЛАСОВЫ

НО... СКАЗАЛ ПУБЛИЦИСТ

— Товарищи! Мы решили открыто заявить, кто мы, мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы! Древко, белое и длинное, мелькнуло в воздухе, наклонилось, разрежало толпу, скрылось в ней, и через минуту над поднятыми вверх лицами людей взметнулось красной птицей широкое полотно знамени рабочего народа. Павел поднял руку вверх — древко покачнулось, тогда десяток рук схватили белое гладкое дерево... — Да здравствует рабочий народ! — крикнул он.

М. ГОРЬКИЙ

в шахте, ведущего поезд, прокладывающего железную дорогу, было произнесено больше, чем надо, восторженных слов. Но мало что делалось, чтобы он действительно чувствовал себя опорой государства. И по сей день, я убежден, мы все в неоплатном долгу перед такими, как Королев, Тимкин, и другими, встреченными мною на заводе простыми рабочими людьми.

Их жизнь и труд — это постоянные усилия, напряжение нервов и духа, свои откровения и радости, несмотря на внешнюю, непонятную непосвященному человеку монотонность и непривлекательность их каждодневного дела. Это стремление к движению, совершенствованию, когда идет борьба за свежую мысль, за осуществление своего рационализаторского предложения. И отстаивание своей самостоятельности, достоинства рабочего человека. Почему же скупое в его адрес умное, живительное слово, за которым стоит дело, помогающее ему почувствовать свою значимость, увидеть, что рабочие люди — это тот самый цемент, на котором держится вся жизнь?

А может, он сам по себе потускнел? Может быть, автоматика, компьютеризация, появление роботов принизило роль его умелых рук, значение профессионала у станка? Да вроде бы нет. И сил, и мастерности у него хватает и, как прежде, без его рабочей хватки, мастерства ни одно производство не сладится.

Сидим с Королевым у него дома. Просматриваем старую ленинградскую многотиражку «Электрик» за 1934 год. Страницу за страницей. «Н. Королев — стахановец. Достиг

высшей зарплаты — 50 рублей». А это уже год 1937-й: «Самый высокий заработок у фрезеровщика Н. Королева — 7 рублей в час». Николай Александрович отдается воспоминаниям:

— Энтузиазм, конечно, был тогда горячий, пару поддавал. Только, выходит, не одним энтузиазмом брали. Думаю, зря мы ворчим на молодых, когда они толкуют про высокие заработки. Деньги, брат, пока никто не отменял. Вкалывает мужик хорошо — хорошо плати ему, не равняй с тем, кто полдня баклуши бьет, а получает, как все. Поговорите с соседом моим Виктором Тимкиным. Наши станки рядом. Я же вижу, это мастак в своем деле. Я б такому все пятьсот платил, он их своим горбом зарабатывает. Глядишь, и другие б за ним тянулись.

Вот мы раньше все долдонили: обязательство, соревнование, показатели, итоги. Целая армия чиновников на этом кормилась: одни бабки подбивают, другие передовиков выявляют. А если положить руку на сердце, так ведь не было настоящей состязательности. Играли в соревнование. Вот и доигрались, что иной рабочий стесняется, когда его фотография появляется на Доске почета. А посмотрите на того же Тимкина: взял он обязательство или не взял, а вкалывает — дай бог каждому! Иначе не может...

Фрезеровщик Виктор Михайлович Тимкин, остроглазый, с шпичеными усами, обстоятельный и твердый в своих рассуждениях и поступках. Перестройку понимает так: чтоб что-то сдвинулось в жизни и, в частности, в его цехе, каждый рабочий должен подставить свое плечо. Не надо ждать разных указаний-приказаний. Закатывая рукава и двигай дело. Такая вот его позиция.

Нет, что там ни говори — неуспокоенный народ на заводе работает. Иванов тоже такой. Человек он с заглядом, о чем бы ни начинал говорить, гнет в сторону перестройки. Вспоминает, как недавно новое начальство выбирали. Сверху им кандидатуру толкали, проверенная, мол, апробированная. Но они крепко стояли: давай Дружинина. Он когда-то в инструментальном начинал. Нет, это был не тот случай, когда стараются провести в руководители непременно своего, пусть неумеху и характера податливого, зато вертеть им можно, как хочешь. Нет, Дружинин не такой человек — строгий, жесткий даже. Но за дело всегда берется основательно, и за ним тянутся, верят в него.

Перестройку, считает Иванов, с людей надо начинать. Дорожить рабочим человеком, авторитет мастера поднимать — он всему голова. Его бы воля, он бы хорошему

мастеру две зарплаты отваливал. Только не найдешь его, хорошего — на 150 рублей. Высокого профессионала надо ценить. Вот Дружинин стал директором, прежде всего поманил с прежней работы настоящих первачей — так в цехах называют тех, у кого золотые руки и душа работающая. Получали по 250, теперь по 350 «закалчивают». Есть на кого положиться. За таких надо держаться обеими руками. Они будут толкать перестройку. Сама собой она не двинется.

Какие бы толковые решения ни принимались — энергия их выполнения в цехах, у станков, за которыми стоят обстоятельный Королев, совестливый Тимкин, порывистый, поистине горячая голова Иванов... Мне хочется, чтобы о них знали многие и многие, чтобы этих достойных и скромных простых рабочих людей так же узнавали на улицах, как иных знаменитостей. Разве Королев, больше полувек простоявший у станка, менее достоин почестей, чем эстрадные и спортивные знаменитости? Ведь жизнь-то, она не на песнях и не на спорте, не на звездах кино держится — на рабочем человеке. Он нам сегодня ой как нужен, человек труда из первых рядов, как тот далекий горьковский Павел Власов с красным знаменем в руках...

Признаться, в период зстоя под-распатронили мы рабочий класс. Заботясь якобы о благоденствии Отечества, потихоньку спаивали, потом спохватились и заставили толочься в очереди с ханьгами вместе, то, добываясь его расположения всевозможными льготами вроде распродажи дефицита прямо в цехах, то торжественно выбирали его красоваться в разных президиумах. А он жив и крепко, твердо стоит на ногах, наш рабочий класс родом из далекого года первой русской революции. И теперь, в пору перестройки, он снова выходит в авангард. Хотя пока не все настроились на новую революционную волну. Иным не хватает того огня, того горения, которые необходимы продолжению революции. И особенно горько, когда этого огня недостает молодым. Вот почему Королев с таким нетерпением ждет из армии своего внука Димку, который станет вместо него у станка. Перестройке требуются молодые, неустанные силы.

Где вы, сегодняшние Павлы Власовы, рыцари революционного порока? Пусть красные знамена перестройки поднимают надежные рабочие руки. ■

Александр СКРЫПНИК

г. Чебоксары

Фото А. ЛИДОВА

К 120-летию
Н. К. Крупской

*«Необыкновенный,
большой она
была человек,
самый
значительный
и самый
прекрасный
образ
русской женщины
нашей великой
революции.
Стойкий,
неутомимый
сподвижник
Ленина,
его жена,
друг
и соратник».*

А. М. Коллонтай

Как много может вобрать в себя одна жизнь. Почти тридцать лет счастья быть рядом с Лениным, жить общими с ним заботами, вместе мечтать, работать, бороться. И пятнадцать лет без него — неопишимо тяжелых. Видеть, как искажается, сводится на нет продуманное, выстраданное и сделанное им...

А началось это еще при жизни Ильича.

Известно внушение, сделанное Сталиным Крупской в оскорбительной форме по телефону. Знаем мы и о письме Ленина, адресованном генсеку: «...сделанное против жены я считаю сделанным против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

Сталин предпочел извиниться. Но, конечно, запомнил это и не простил Крупской. И не только это. К тому времени он уже знал о «Письме к съезду», вошедшем в историю как ленинское завеща-

ние. Его копия незамедлительно была доставлена Сталину, и нетрудно понять, как он воспринял рекомендацию переместить его с поста генсека. Ему было известно также, что именно Крупская должна довести до сведения делегатов очередного съезда партии содержание этого документа.

На Пленуме ЦК, собравшемся перед открытием XIII съезда, была принята рекомендация Политбюро — «Письмо» зачитать по делегациям, а Сталина оставить на посту генсека с условием, что он учтет ленинскую критику. Он, понятно, обещал учесть.

Ну, а что же Крупская? Смирилась? Поверила Сталину? Вряд ли. Как истинный коммунист, она привыкла подчиняться большинству. А потом, когда убедилась, что совершена ошибка? Что Сталин, постоянно ссылаясь на Ленина, действуя как бы от его имени, все дальше толкает партию от ленинских ориентиров и целей?

Пятьдесят с лишним лет назад, в конце ноября 1937 года, мне по-

счастливилось встретиться с Крупской, разговаривать с ней. Встреча была совершенно неожиданной. Только что меня, восемнадцатилетнего юнца, провалившегося на экзамене в Коммунистический институт журналистики, зачислили в штат московской газеты. И вот первое задание — поехать в театр Революции и подготовить материал, связанный с тем, что накануне Н. К. Крупская посмотрела спектакль «Правда», а потом встретила с М. Штраухом, исполнявшим роль В. И. Ленина.

В редакции одобрили мои три странички, но сказали: «Нужно показать Надежде Константиновне». И вот я на Чистых прудах в Наркомпросе. Надежда Константиновна не стала визировать мою заметку, так как готовила на ту же тему статью для «Правды». Видимо, она считала нужным объяснить мне это лично, а не через секретаря и пригласила к себе. Стала рассказывать о впечатлении от спектакля, о том, как волновалась, когда смотрела его, о Владимире

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

У СТАЛИНА ОНА БЫЛА В ОПАЛЕ

На третьей звуковой странице вы услышите фрагмент выступления Н. К. Крупской перед избирателями г. Серпухова, 1937 г., воспоминания бесценного секретаря Крупской В. С. Дридзо и члена партии с марта 1917 года, бывшей заведующей Мосгорно А. Д. Сергеевой.

На фото: Н. К. Крупская, 1919 г. Из фондов ЦГАКФД СССР

Ильиче. Распросила, как работает в газете, какое у меня образование, и, улыбувшись, сказала: «Маловато, особенно для журналиста. Надо вам учиться».

На всю жизнь запомнилась ее светлая, чуть грустная улыбка, усталое лицо и особенно глаза — очень добрые и очень печальные. По молодости я не задумался тогда, почему у нее такое настроение, что творится у нее в душе.

Сегодня, к сожалению, немного осталось людей, близко знавших ее, товарищей, работавших с ней. Мне удалось встретиться, беседовать почти со всеми. Многие раскрыли мне и стенограммы съездов, газеты тех лет.

...Стенограмма XIV съезда ВКП(б). Декабрь 1925 года, четвертое заседание. В прениях по политическому докладу, который сделал Сталин, выступает Крупская. Многие беспокоит ее. Она говорит о необходимости демократизации партийной жизни, о том, что «надо как-то иначе выработать коллективное мнение партии... научиться говорить по-товарищески», что «принципиальное выяснение заменяется организационной склокой». Коснувшись проблем, связанных с нэпом, напомнила мысль Ленина о том, «чтобы в кооперации принимала действительное участие широкая масса населения». Говорила, что успехи промышленности вскружили многим голову: «Мы трезвость, которую нам всегда предлагал сохранять Ильич, мы эту трезвость в известной мере утерjali и увлеклись чересчур нашими успехами».

Сталину выступление Крупской пришлось явно не по душе. В заключительном слове он не смог сдержать неприязнь к ней: «Товарищ Крупская (да простит она меня) сказала о нэпе сущую чепуху». Видно, уже почувствовал свою силу, решил грубо осадить.

Начались прения по отчету ЦКК, и Крупская снова берет слово. Говорит о необъятной власти, которой обладает Оргбюро и Секретариат ЦК: «Если мы будем писать резолюции о внутривнутрипартийной демократии и в то же время создаем такие условия для каждого члена партии, что за открыто высказанное мнение он может быть перемещен на другую должность, то все наши благие пожелания о внутривнутрипартийной демократии останутся на бумаге». Выражая тревогу за сплоченность рядов партии, сослалась на Ленина, напомнила о его завещании, о статье «Как нам реорганизовать Рабкрин?». Для Сталина и его ближайшего окружения это была совсем уж нежелательная тема. Ведь эти ленинские материалы старательно прятались от членов партии. И, конечно, не случайна обструкция, устроенная ста-

линскими подпевалами. Внес тогда свою лепту и Молотов, сказав, что выступление Крупской является уже не желанием поправить ошибки, а желанием раздуть ошибки...

С чувством удивления читаем мы сегодня в биографии Крупской, выпущенной Политиздатом в 1988 году (второе, переработанное издание): «В ходе внутривнутрипартийной борьбы, принявшей особенно острый характер накануне XIV съезда партии, Крупская допустила серьезную ошибку, разделив взгляды сторонников «новой оппозиции» по крестьянскому и организационному вопросам». Так можно писать, только рассчитывая на то, что люди не читали стенограмм съездов и пленумов. Сегодня мы разделяем высказанные ею тогда мысли и замечания.

Она, работая в Наркомпросе, не щадила себя, много думала и писала о проблемах народного образования, о воспитании молодежи. Известны ее идеи о школьном самоуправлении, о политехнизации школы, которые не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня. Снова и снова перечитывала Ленина, с чувством огромной ответственности писала воспоминания о нем.

Бесконечно тронуло письмо М. Горького из далекой Италии: «Сейчас кончил читать Ваши воспоминания о Владимире Ильиче, — такая простая, милая и грустная книга. Захотелось отсюда, издали, пожать Вам руку и сказать Вам спасибо...»

И вдруг, как гром среди ясного неба, критическая статья П. Н. Поспелова в «Правде». Что же не понравилось в книге присяжному ученому? Скорее всего вот это: «После Октября на первое место стали выдвигаться люди, которым условия старого подполья не давали развернуться... К числу таких людей принадлежал товарищ Сталин».

Статья эта появилась, конечно, не без участия Сталина. В его озлобленной памяти еще одна «зарубка» — опять эта Крупская! Вот и Клара Цеткин, поздравляя Крупскую с 60-летием, писала: «Мы приветствуем тебя... как революционного бойца, в котором продолжает биться великое доброе сердце нашего Ленина и в котором живет его совесть». Для советского народа совесть партии давно уже олицетворял он, Сталин. И никто другой. Все, кто мешал ему когда-либо или, по его мнению, еще мог помешать, были объявлены «врагами народа», зверски уничтожены. Что переживала, о чем думала Крупская в эти страшные, кровавые годы, когда под корень вырубался цвет партии, исчезали люди, с которыми работал, которым доверял Ленин?

Известно, что на июньском Пленуме ЦК 1937 года, когда принималось решение о политическом недоверии Пятницкому, она голосовала против. Вступалась за других, но с горечью быстро поняла тщетность этих попыток. А дальше? Что думают об этом близкие ей в то время люди? Никто из них не сомневается в ее беспредельной честности, бескомпромиссности, бесстрашии. Все сходится на том, что в сложившейся тогда обстановке она была бессильна что-либо изменить.

Сталин нарочито, подчеркнуто ее игнорировал. Так же вело себя и его ближайшее окружение. В повседневной работе она постоянно наталкивалась на противодействие сверху. Писала Жданову, но ответа не получила. Да и держался он с ней явно пренебрежительно. С некоторых пор чувствовала, что кем-то контролируется буквально каждый ее шаг: где выступает, с кем встречается, кому пишет. Как-то А. Д. Сергеева, работавшая тогда заведующей Мосгорно, близкий ей человек, спросила Надежду Константиновну, кто ее навещает. Та ответила: «Никто». И с горечью добавила: «Махровое одиночество...»

Свое семидесятилетие она решила встретить в кругу старых друзей. За три дня до юбилея, вечером 23 февраля, поехала в Архангельское, в дом отдыха, где обычно собирались старые большевики. Назавтра к ней приехали испытанные друзья — Кржижановские, В. Р. Менжинская, Ф. Кон, Д. И. Ульянов. Вместе завтракали, вспоминали прошлое. А к вечеру у нее началась невыносимая боль в желудке. Ее отвезли в больницу. Лишь к вечеру следующего дня она пришла ненадолго в сознание.

Находившаяся с ней до последней минуты В. С. Дридзо, ее неизменный личный секретарь, вспоминает, что, придя в сознание, она сказала: «Ну, врачи, как хотят, а на восемнадцатый съезд я пойду...» Судя по всему, она собиралась там выступить.

Свое убеждение в том, что внезапная кончина Крупской напрямую связана с ее намерением выступить на съезде, высказала в беседе со мной и А. Д. Сергеева. Но В. С. Дридзо эту версию решительно отвергала. И все же... Не дает покоя мысль: конечно, Крупская мешала «вождю». Но не мог же он объявить ее «врагом народа»!

«Правда» за 1 и 2 марта 1939 года. На фотографиях у гроба Крупской лицо Сталина выражает печаль. Скорбел ли он, как действительно скорбели миллионы тех, кого потрясла эта неожиданная смерть?

Марк ПОЛОНСКИЙ

Семидесятилетие ленинградского Большого драматического театра — громадное событие в художественной и сценической истории нашей страны.

О творческой биографии актерского ансамбля, работающего под руководством одного из выдающихся режиссеров современности, Г. А. Товстоногова, комментатор «Кругозора» Артем Гальперин ведет разговор с критиком Александром СВОБОДИНЫМ:

— Александр Петрович, вы хорошо знаете БДТ и его историю. Можно ли разделить биографию театра на периоды «до» и «после» прихода Г. А. Товстоногова?

А. Свободин. Полагаю, что можно. Такая периодизация возвышает — и справедливо! — Товстоногова. Ведь у истоков БДТ стояли Горький, Александр Блок, актеры М. Ф. Андреева и Н. Ф. Монахов. Блок призывал к романтической линии нового театра. Он считал, что «романтизм — это удеситеренное чувство жизни»...

— М. Ф. Андреева и Н. Ф. Монахов ориентировались на классическую драму. Именно «Дон Карлосом» — драматической поэмой Шиллера — и начал свою жизнь новый театр...

А. Свободин. Театр — это поколение актеров. Немирович-Данченко считал, что оно может действовать 15—20 лет. Если не вливается свежая «студийная кровь», то приходит другое поколение и возникает новая труппа.

— Вы имеете в виду момент прихода Товстоногова? Но ведь и в старом БДТ были блестящие актеры, и свою первоначальную задачу — служить революционному переустройству в первые годы Советской власти — он выполнил. Взять классику Шиллера, Шекспира, Мольера, Гюго, советские пьесы — «Разлом» Лавренина, «Мой друг» Погодина или «Заговор чувств» Олеси с виртуозной, гротесковой игрой Монахова...

А. Свободин. А Полицеймако! Я застал его. Но в 1953, 1954, 1955 годах театр явно захирел, туда перестала ходить публика, с ним надо было что-то делать. А в это время на сценической карте Ленинграда загорелась новая звездочка — театр имени Ленинского комсомола с режиссером Товстоноговым.

— Там огромный зал...

А. Свободин. По-моему, там две тысячи мест, и до Товстоногова никто не мог заполнить эту громаду публикой. А Товстоногов смог. О нем заговорили. Как-то мгновенно пошли легенды о режиссере-чудодее, который все может. Но дело было не в чуде, а в том, что он талантлив, необычайно работоспособен,

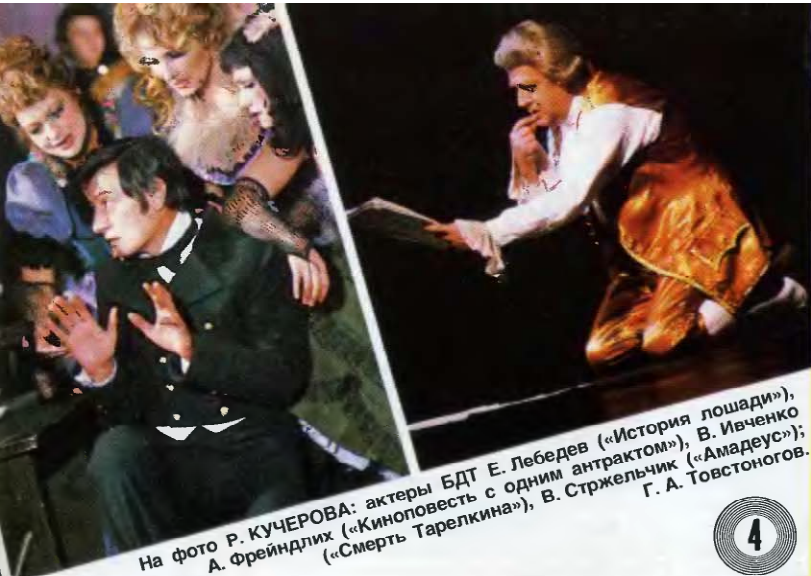

На четвертой звуковой странице вы услышите репортаж из репетиционного зала БДТ во время работы Товстоногова над пьесой Горького «На дне», короткую беседу с режиссером, актерами.

МАСТЕРА ИСКУССТВ

ЧАС РЕШЕНИЙ
ТОВСТОНОГОВА

На фото Р. КУЧЕРОВА: актеры БДТ Е. Лебедев («История лошади»), В. Ивченко («Киноповесть с одним антрактом»), А. Фрейдлих («Смерть Тарелкина»), В. Стрельчик («Амадеус»); Г. А. Товстоногов.

далее, чрезвычайно культурен и у него была великолепная школа. Школой его был А. М. Лобанов. Лобанов ставил в театре Ермоловой такие пьесы, которые надо бы ставить сейчас во время перестройки. Но тогда его ёли, ёли и съели-таки в конце концов. А в ГИТИСе он вел курс и научил своих студентов-режиссеров (Товстоногов был среди них), как ставить спектакли. Они, эти юноши, еще не знали «что», но уже знали «как». Товстоногов рано овладел магией режиссерского рукоделия. Оно у него совершенно особое. Вы же были на репетиции «На дне»...

— Да.
А. Свободин. Помните, момент импровизации Ивченко? Сатин в полубезумном состоянии произносит монолог о Человеке...
— Конечно...

А. Свободин. Это и есть самое ценное в товстоноговской работе с актерами, когда они начинают спонтанно импровизировать. Как джазовые пианисты, которые «подбрасывают» друг другу мелодии.

— Но мы отклонились...
А. Свободин. Да. Итак, БДТ терпел бедствие, и труда позвали Товстоногова. Он пришел. Это был 1956 год. Но он не просто пришел. Он поставил условие — театр должен освободиться от актерского балласта, от плохих, от средних актеров. Он насчитал их 38 человек. И труппа была обновлена. То был трудный, тяжелый, жестокий момент. Но Товстоногов опередил время на 30 лет — только сейчас мы все подходим к практике контракта. Он же, с самого начала тщательно подбирая, «коллекционирую» актеров, создал изумительный гармоничный ансамбль: Лебедев, Базилашвили, Смоктуновский, Доронина, Лавров, Стрельчик, Шарко, с недавних пор Фрейдлих (я беру тех, кто ушел, и тех, кто остался в труппе, список, конечно, неполный)...

— И все-таки если «конкретизировать» дарование Товстоногова...

А. Свободин. Он видит театр целиком. Видит перспективу. Во всех частях. Имеет концепцию толкования спектакля. Вот одна из его формул: «Классическая пьеса — это пьеса о прошлом, написанная сегодня». Так он возродил драматургию Горького. После «Варваров» бум прошел по сценам — стали ставить Горького.

— Все ему удавалось, вроде путь Товстоногова и БДТ виделся гладким... Однако...

А. Свободин. Однако это не так. Ему многое запрещали ставить. «Римскую комедию» Л. Зорина, например, спектакль, направленный против идеи культа личности. А уж критические стрелы летели градом. Даже по поводу «Истории лошади», позже триумфально облетевшей мир, высказывались обвинения в пресловутом «абстрактном гуманизме». Громя пьесу «Три мешка сорной пшеницы» по В. Тендрякову (о жизни деревни в 1944 году), критики писали, что то был год расцвета и БДТ клеветает на действительность. А Федор Абрамов сказал после спектакля главному режиссеру: «У вас есть одна неточность. Там в финале — две собаки. В жизни они были бы уже съедены». Школа, которую прошел Товстоногов, была суровой.

— В этом смысле важно, что он все время идет вперед. Вот проблематика, намеченная им недавно для театра: «Надо говорить о деформации психологии под многолетним давлением страха, о доносительстве, о подлости, о дефиците порядочности...»

А. Свободин. Да, потому что, как говорил Завадский, «театр живет здесь, сегодня, сейчас» и для таких художников, как Товстоногов, «час решений» наступает чаще, чем для других... ■

Взлеты и падения от вершин славы до почти полного забвения достаточно характерны для биографий многих зарубежных ансамблей. Но группа «Флитвуд Мак», пожалуй, побилла здесь все рекорды. Правда, начало ее столь непростой творческой биографии уходит в тепер уже далекие 60-е годы. Английская эстрада в то время увлекалась блюзом. Одним из лидеров этого направления был тогда Джон Майал, руководивший группой «Блюзбрейкерз». Он умел находить новые таланты, но вот удержать их не умел.

Так, после очередной ссоры от него ушли гитарист Пит Грин, бас-гитарист Джон Макви и ударник Мик Флитвуд. Когда Джон Майал объявил, что он в их услугах больше не нуждается, у изгнанных все же не было сомнений, что нужно продолжать играть блюз. Дебютный альбом вышел в 1968 году, поднялся до первого номера хит-парада и оставался в списках самых популярных в течение всего года. Но дебютанты не удержались на столь высоком уровне: «Флитвуд Мак» (так по фамилиям основателей стал называться ансамбль) начали лихорадить частые смены состава.

Правда, с приходом певицы Кристин Перфект положение группы несколько улучшилось. Но репутации «неудачников» все же заставила музыкантов искать счастья за океаном. В США их путь поначалу не был усыпан розами. Очередная пластинка поставила их на грань банкротства.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Мик Флитвуд, обходя студии звукозаписи в Лос-Анджелесе в поисках той, которая согласилась бы предоставить услуги в кредит, встретил дуэт, состоящий из певицы Стиви Никс и гитариста Линдсея Бакингема, они играли музыку кантри. С переменами в составе было покончено навсегда.

На одиннадцатой звуковой странице — песни «Танго в ночи» и «Когда я просыпаюсь».

ЧТО ИГРАЕТ
«ФЛИТВУД
МАК»

КАМЕРТОН ЭСТРАДЫ

Смещение музыкальных стилей вкупе с необычными тембрами голосов солистов придало группе необыкновенное, только им свойственное звучание. И в результате — успех пластинки, вышедшей в 1975 году. Два года спустя альбом «Сдухи» уже ставил рекорды по количеству проданных экземпляров. В конце 70-х «Флитвуд Мак» на фоне общего господства монотонного «диско» оказался чуть ли не единственным, но надежным хранителем мелодического начала в песне. В недавнем опросе ведущей английской эстрадной газеты «Мелоди мейкер» этот диск занял 8-е место в списке лучших за всю историю рок-музыки.

Следующая работа — двойной альбом «Клык» — демонстрирует виртуозные возможности музыкантов, верность «акустическому року». «Клык» отметил новый рубеж в истории «Флитвуд Мак». А за ним снова — в который раз! — полоса неудач. Сообщения о распаде еще одного «динозавра 60-х» ждали со дня на день... Но оно не последовало.

Пластинка группы, помеченная 1987 годом, показывает, что, несмотря на уступки музыкальной моде, сознательное облегчение материала, «Флитвуд Мак» все же старается хранить верность своим музыкальным идеям. Лучшее тому подтверждение — успех недавней передачи английского телевидения, посвященной истории группы. Диск «Танго в ночи», который стал платиновым, представляет музыку хотя и «коммерческую», но выполненную с хорошим вкусом и чувством меры. Вновь «Флитвуд Мак» вернул себе интерес публики. ■

Андрей ЕВДОКИМОВ

Восемь месяцев в году мы были в поездках по Северному Уралу — по многочисленным его лагерям. Четыре месяца репетировали на своей базе — в Ивделе. «Гастроли» были в два захода: осенью — до весны и летом — до осени. Зимой — на санях и автомашинах по ледянке (деревянной дороге), а летом на открытой барже, которую тянул по уральским рекам маломощный катерок... У театра был начальник — лейтенант Вася Сумароков — безвредный, недалекий паренек из местных — очень довольный своей «непыльной» работой и, может быть, потому не сильно досаждавший нам придирками. Был он, дело пришлось, большим любителем женского пола. В каждой деревне его ждала зазноба, по-местному «дроя», и потому, выехав с нами в поездку, он пропадал по неделям, внезапно появляясь на короткий срок.

— Ну, как, мужики, без ЧП? — спрашивал он и, получив от меня утвердительный ответ, исчезал опять. Охраняли нас и «свой» два конвоира. Может, потому, что они близко видели этих «врагов народа», они как-то не очень на нас напирали.

КОНЦЕРТ В КОЛХОЗЕ

Но был в нашей театрально-лагерной жизни один случай, который мог дорого обойтись и нам, заключенным, и нашим «телохранителям». А произошло вот что. Театр имел приказ выступать только перед заключенными и вольными работниками лагеря, ну, и, конечно, перед ВОХРОм — военизированной охраной. Мы неукомпетентно это выполняли, зная, что нарушение приказа грозит дополнительным сроком, а уж отправка из театра «на общие работы» — обязательно. Так что летом, плывя мимо уральских деревень, мы даже не приставали к берегу, хотя оттуда махали, звали и вроде даже приветствовали...

В тот злополучный день наш лейтенант, как всегда, был в очередной сарай «дрой». Конвоиры спали в каюте катера. Ко мне подошел капитан суденышка.

— Одного причаливать будем! Матка тут живет. Праздник у них нынче — сенокос кончили. Немного бражки попию, и дальше пойдем.

Мы причалили к берегу, на который уже высыпала едва ли не вся деревня. На борт катера поднялся председатель колхоза — фронтовик с полным иконостасом орденной и медалей, на протезе вместо правой ноги, и секретарь парткома — бойкая баба, как сообщил капитан — депутат Свердловского областного Совета и тоже орденноносец. Они стали просить выступить перед колхозниками...

— Сенокос кончили, надо б людей повеселить... Ничего ж не видят: радио — только в правлении колхоза, кино привозят раз в год по обещанию; а люди работают безотказно!

Я ссылаясь на запрет, конвоиры, уже сагитированные местными девками, молчали: наше дело охранять, а там решай сам! «До ближайшего лагункта по реке дня три, кто увидит?» — подумал я. Не знаю, может быть, решающую роль сыграло постоянное недоедание, возможность попить молока, поест сметаны, даже белых шанжек. В общем, как затмение нашло — согласился.

Мы выгрузились на берег со всем реквизитом и музыкальными инструментами. Местные плотники стали ставить сцену на берегу, а театральный народ уже угощался вволю...

Господи, да такой еды мы не видели с самого ареста и ели все без нормы — вволю...

От председателя я узнал, что большинство жителей деревни впервые в жизни увидят живых артистов! Он-то сам видел Русланиху, где-то под Кенигсбергом и еще каких-то клоунов — в Праге... А остальных, — ну, прямо празд-

ник считаи крепко подвезло колхозникам!

И все как-то сразу почувствовали необычность предстоящего: перед кем мы выступали обычно? Перед своим братом — «зеким» или перед нашими охранниками и мучителями, ненавидевшими и презиравшими нас, «врагов народа», а тут концерт перед этим самым народом, от которого нас насильственно отторгли. На два-три часа мы как бы возвращались в ту жизнь, из которой нас изъяли. Подумать только, я во вступительном слове к концерту решился назвать зрителей «дорогими друзьями!»

Поздравил с окончанием сенокоса, благодарил за прием и ласку. По-моему, никогда наши солисты так не пели, не танцевали, не играли. Чеховская инсценировка «Женя и папенька» вызвала такой взрыв смеха и аплодисментов, что мы не услышали шума причалившего к берегу глассера.

Когда я случайно оглянулся, то понял — это конец! С берега поднимались человек пять в военной форме. Видать, какое-то большое начальство (малое на глассерах не плавает). Оркестр оборвал музыку, наступила страшная тишина, в которой громко прозвучали слова нашего рабочего сцены — из блатных: «Век свободы не видать! Крепенько подзалетели! Всем — хана!»

Наш хозяин-фронтовик понял все сразу, он вскочил со своего места, хлопнул меня по плечу и сказал: «Нитшяк! Не тушуйся! Прорвемся!» — и заковылял на своем протезе навстречу приехавшему начальству. На наших конвоиров страшно было смотреть. Я почему-то прежде всего подумал о лейтенантке — снимут погоны, положит партбилет, да еще весьма вероятно — перейдет по нашу сторону колючей проволоки. Я старался не глядеть в сторону берега и все-таки заметил, что председатель там с кем-то обнимается. Мы увидели, что приезжие вдруг поверну-

Матвей Яковлевич Грин — журналист и литератор. Он работал в Горьковском журнале «Наши достижения», в колдовском «Огоньке», знаменитой «Крестьянской газете», в «Советском искусстве». В 1954 году пришел в эстрадную драматургию. Его произведения многие годы исполняли Аркадий Райкин, Лев Милов и Марк Новицкий, Юрий Тимошенко (Тарапунька) и Ефим Березин (Шпенсель). Он автор книг об эстраде, артисте Бене Бенцианове и воспоминаний о певице Лидии Руслановой...

ЭСТРАДА ЗА КОЛЮЧЕЙ

В жизни Грина были и трагические годы: дважды был репрессирован и провел много лет в сталинских лагерях Печоры и Урала. Несколько лет руководил театром заключенных в Идельгаге, о чем написал книгу «Забвению не подлежит», которая готовится к изданию. Мы предлагаем читателям две главы из этой книги.

На фото: рисунок — портрет Матвея Грина, сделанный в лагере художником Григорием Хабибулиным. На обороте рисунка написано: «Вот так я выгляжу, когда думаю о вас. А думаю о вас я днем и ночью». А. Варламов (внизу слева) и Д. Головин разделили участь М. Грина.

ли назад и вскоре глассер, взорвав мотором, скрылся из виду!

— Что сказал? Что нам делать? — минулись мы к своему спастелю.

— Порядок в танковых войсках! Приказ будет такой — концерт продолжать, вечером танцы играть, а ночью проводим вас, но больше не приставать — ни к какому берегу!

Оркестр без устали играл танцы, деревенские девки танцевали с нашими кавалерами — профессиональными балетными танцорами. Часу во втором ночи мы «отдали концы», провожаемые всей деревней. На прощание я спросил у председателя:

— Как думаешь — дело не заведут? Кто это был?

— Да это же не ваши — не НКВД — это армейские.

— А они не стукнут в лагерь?
— Не должны! Видел, паря, как я там с одним полковником обнимался? Это Михалев Иван Петрович из Свердловска, мы с ним на одной шине Днепр форсировали. Он плавать не умеет, так я его тащил.

Боже мой! Чего не бывает в жизни! Никогда не знаешь, откуда придет беда, а откуда спасение!

Никто никогда не узнал о нашем «страшном политическом преступлении» — концерте для уральских колхозников!

ФАМИЛИЙ НЕ НАЗЫВАТЬ

Как-то утром меня вызвали в первый отдел и сказали, что сегодня в клубе Дзержинского состоится «особый концерт», на котором будут присутствовать члены комплексной экспедиции Академии наук СССР — доктора наук, кандидаты — человек 70!

— Ездят тут, только работать мешают, — сказал полковник из первого отдела. Чувствовалось — его бы воля — эти «академики» отсюда никуда бы не уехали! Как говорили — по обе стороны зоны:

был бы человек, а статья найдется!

Вечером нас вывели из зоны конной был по «первому разряду» — с собаками, с долгим пересчетом на вахте и обязательной молитвой: «Шаг влево, шаг вправо рассматривается как побег...»

Пришли в клуб, расположились в гримуборных, и тут прибежал наш лейтенантик и, отозвав меня в сторону, сказал:

— Есть приказ — фамилии артистов не называть!

— А как же объявлять?

— А так! выступает солист ансамбля... аккомпанирует солист оркестра, танцуют солистки балета... Ясно?

Я поставил в известность артистов, чтобы не удивлялись, и начал концерт. Все шло тихо, мирно, пока я не объявил: «Элегия», музыка Массне, исполняет солист театра... аккомпанируют на рояле и виолончели солисты оркестра...»

За рояль сел Жора Чахмахов, с виолончелью вышел Миша Гессель, а из кулис появился Дмитрий Данилович Головин, знаменитый баритон Большого театра. И вдруг зал — его штатская часть — взорвался аплодисментами:

— Здравствуйте, Головин! Привет, Головин! — неслось из зала. Лагерное начальство сидело мрачнее тучи, но что они могли сделать?

Мы стояли за кулисами и молили бога, чтобы «старик» справился с волнением и смог петь! Он справился — спел «Элегию», потом арию Мазепы, спел незатейливые песенки «Территомба» и «Хороши весной в саду цветочки», песню из кинофильма «Дума про казака Голоту» (он ее и в фильме пел).

Головина не отпускали. Его выступлением мы закончили первое отделение и ушли за кулисы. И тут произошло невероятное — вся московская академическая комиссия кинулась за кулисы. Наши конвоиры, бледные, не знающие, применять оружие или нет, старались не пустить никого на сцену, но моло-

дые ученые напирали, да и почтенные доктора наук старались протиснуться к двери. Наш лейтенантик уговаривал гостей, но ничего не помогало. Мы думали, что концерт, конечно, прекратят, а нас уведут в зону. Но, видимо, было какое-то указание «с самого верха» насчет этой комиссии, и начальство вдруг разрешило гостям пройти за кулисы.

Ученые обступили Головина. Они совали ему в карман деньги, пока кто-то из нас не сказал, что деньги здесь не нужны — нам ничего не продают. Тогда, кто помоложе, кинулись в лагерную гостиницу, где они проживали, и через несколько минут притащили нам, вероятно, все свои московские запасы! Весь театр неделю не ходил в столовую — питались московскими дарами.

А на следующее утро после концерта театр, по меткому выражению чудесной комической старухи из Ставрополя Варвары Николаевны Ермиловой, «задумался». Все ходили какие-то грустные, женщины плакали, мужчины сосредоточенно курили, и такая тоска и обида царили в бараке, что репетировать не было никакой возможности. Я отменил все репетиции. Люди думали о своем немислимом положении. То и дело вокруг слышалось: за что? Кому от этого хорошо? Столько дел в стране, а мы здесь! Зачем весь этот ужас? Но кто тогда мог ответить на эти вопросы?!

■ Матвей ГРИН

Автор просит перечислить его гонорар на счет № 700454 для строительства мемориала «Жертвам репрессий».

На седьмой звуковой странице М. Грин продолжает свой рассказ. В исполнении Дмитрия Головина вы услышите романс С. Рахманинова «Я опять один»; джаз-оркестр под управлением А. Варламова играет песню «Дикси-Ли».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ПРОВОЛОККОЙ

«В одной из передач «Служу Советскому Союзу» телезрителей познакомили с Александром Карелиным, студентом МИСИ, который твердо решил идти служить в морскую пехоту...
Очень хотелось бы узнать, как сложилась его судьба».

Т. Лазарева,
г. Чебоксары

Легче всего было бы сказать: Судьба Саши Карелина — в его песнях.

И действительно, в эти емкие строки, как бы написанные единым росчерком, можно уместить биографию целого поколения:

*Еще вчера нам снился
ночью дом,
Девчонка в платьице
и школьная доска,
Но разбудил, поднял азродром
Для первого воздушного броска.*

И все же жизнь морского пехотинца старшего лейтенанта Александра Карелина сегодня значительно шире, богаче, суровее.

В какие песенные строки, в какой гитарный перезвон вложить биографию юноши из, как теперь говорят, «благополучной семьи», вдруг круто и решительно изменившего свою судьбу? За плечами диплом с отличием в престижном вузе, впереди — давно лелеемая родителями аспирантура, научная работа, заграникомандировки... И вдруг решение — иду в армию, в морскую пехоту.

Но почему же «вдруг»? Пройти честно «сквозь огонь и грозы» — разве это не мечта, не дело, достойное мужчины? И разве у благополучнейшего студента Саши не был перед глазами пример его сверстников? Еще вчера, когда он оканчивал курс Московского инженерно-строительного института, Николай Фотиев отбивался от

душманской засады, а Валерий Радчиков, вынесенный с минного поля, еще делал первые шаги на протезах и писал письма в Министерство обороны, требуя вернуть его в действующую часть...

Жизнь солдата, которую выбрал Карелин, сурова и требовательна.

*Как рассказать
о тонкой вязи троп,
про горький пот,
добывший вновь успех,
про воды рек,
не раз пройденных вброд,
про цену бед
и радостей на всех.
Про глубину*

*всех дружеских основ,
которых смыть нельзя
и даже раскочкать.
Нет, не смогу,
не хватит просто слов,
все это раз хотя бы
надо испытать.*

Сегодня офицер Александр Карелин уже сам учит, как надо управляться с парашютом, как в трескучий мороз завести заглушенный двигатель у танка и как в рукопашном «бою» уложить четырех противников.

И еще — пишет об этом песни. ■

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

«ЕЩЕ ВЧЕРА МЫ БЫЛИ ПАЦАНЫ...»

ТОВАРИЩ ПЕСНЯ

На шестой звуковой странице А. Карелин исполняет свои песни «Еще вчера» и «Песню о матери».

6

Огненное солнце медленно опускалось в широкий Днестр. Жаркий летний воздух понемногу остывал. По главной улице, пыля, медленно и степенно прошествовало стадо. Село наполнилось звуками: хлопали калитки, звенели ведра, перекликались через изгороди соседи... А над всей этой симфонией обычной, размеренной деревенской жизни плыла песня. Люди возвращались с поля. Голоса звонкие и густые, низкие и высокие сливались в один мелодичный поток и, словно брызги, рассыпались в синем вечеряющем небе.

Наверное, немного таких мест сохранилось на нашей земле, где бы люди с песней отправлялись на работу и с нею же возвращались домой. Но украинское село Белоти, что уютно расположилось на молдавской земле, издавна хранит эту традицию.

Маленькая Катя легко отличала голос отца Никифора Зиновьевича. И неудивительно — он был признанным сельским запевалой. Без его красивого баритона не обходилось ни одно сельское событие — и радостное, и печальное. Часто отец пел вдвоем с мамой Анной Устиновной. Дети как зачарованные слушали, а повзрослев, не стеснялись влетать свои голоса в их дуэт.

Так и росла Катюша Гудкова в этой, так сказать, песенной атмосфере. Неисчислимо множество песен знала она — украинских, молдавских, русских. Вместе с отцом приглашали ее «спивать» в семье, а то и в скорую руку слаженных концертах в сельском клубе. А когда училась в школе — ни один концерт без нее уже не обходился.

В последнее время мы стали как-то снисходительно, а иные и иронично относиться к самодеятельному творчеству. Однако истинная самодеятельность не имеет ничего общего с добровольно-принудительным участием в городских и областных смотрах с их безрадостной показухой, нездоровой атмосферой борьбы за призовые места и лауреатские звания. В селе, где росла Катя, самодеятельность была потребностью души ее певчих и одаренных земляков.

На одном из областных смотров девушку заметила авторитетная комиссия и предложила поступить на подготовительное отделение Кишиневской консерватории. Когда она уезжала из села, отец напутствовал: «Пой только народные песни. С нашей песней и хлеб родится, и солнце встает!» Катя и сама мечтала стать исполнительницей народных песен. Заслушивалась популярными певицами того времени. Особенно нравилась ей Людмила Зыкина. Учась в Кишиневе, старалась чаще бывать на концертах. Однажды попала на

выступление гастролирующего в городе русского народного хора имени Пятницкого. И откуда только смелость взялась — прошла за кулисы, попросила ее прослушать. Очень волновалась, когда пела. Долго в ушах звучало: «Приезжайте в Москву».

В столице Катя занимается в студии прославленного хора имени Пятницкого. Вскоре становится его артисткой, а затем и солисткой. Хотя народные песни Екатерина Гудкова пела с детства, но, пожалуй, по-настоящему почувствовала их красоту и глубину только в этой ежедневной напряженной работе. Вроде бы и просты, безыскусны они, а сколько требуют труда, художественного вкуса от артиста, умения «отсекать» от песни все лишнее, ненужное, что наплодили, привнесли в нее и время, и люди.

В старину говорили — «сыграть песню». Издревле русская песня была самобытным театром. И сегодня артист, если он действительно художник, дорожит первородством песни, стремится раскрыть, дополнить ее мелодию и слова образами собственного понимания этих маленьких музыкальных драматических рассказов.

В программах артистов Московской филармонии Екатерина Гудкова представляет русские песни различных областей России в их первоизданной красоте и звучании, ибо она владеет многими стилистическими особенностями исполнения. Песню, сложенную где-то на Севере, к примеру, в Вологде или Архангельске, нельзя петь так же, как рожденную, скажем, в Рязани или Курске. Природа, условия жизни, традиции, история, наконец, накладывают свой отпечаток не только на характеры людей, но и на их песни.

Зажигательным, проникновенным песням артистки, ее удалым частушкам, попевкам и прибауткам аплодировали в концертных залах Америки, Турции, Канады, Англии, Аргентины, Бразилии, Финляндии... И где ни звучат песни Екатерины Гудковой, они неизменно завоевывают сердца людей, открывая им добрый, щедрый характер талантливого народа.

Изабелла ВЕРБОВА
Фото А. ЛИДОВА

ФОЛЬКЛОРНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

5

На пятой звуковой странице
Е. Гудкова исполняет
русские народные песни
«Чернобровый, черноокий»,
«Как со вечера пороша»,
терские частушки.

ЛЮБОВЬ МОЯ- ПЕСНЯ

В жизни каждого эстрадного артиста наступает момент, когда спадает напряжение ежедневных концертов, отходит гастрольная суета и, переступив порог родного жилища, он может сказать себе: «Ну вот, наконец-то дома...»

Мы сидим в квартире, которая привыкла к безлюдной тишине и длительному ожиданию хозяйки. А хозяйка этой уютной квартиры на юном киевском массиве Троещина певица Лилия Сандулеса. Она угощает нас душистым чаем, и, чувствуется, ей по душе эти нехитрые женские хлопоты. Нечасто выпадает ей возможность просто так скоротать вечер в кругу друзей. И каждый раз это маленький праздник.

Впрочем, если уж быть откровенным, то есть повод и для большого праздника — недавно Лилия получила звание заслуженной артистки Украины. Хотя я не заметил, чтобы это событие вызвало у нее

На восьмой звуковой странице в исполнении Лилии Сандулесы слушайте песни «Добрый день» (И. Поклад, Ю. Рыбчинский) и «Осень» (И. Корнилевич, В. Сосюра).

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Два последних года для Лилии Сандулесы были и напряженными, и радостными: гастролью в крупнейших городах страны, в Польской Народной Республике, выступление на популярном эстрадном конкурсе в Дрездене, где певица завоевала приз зрительских симпатий. Результатом осталась недовольна: он мог, считала она, быть значительно лучше! Хотя вины ее немного: о конкурсе сообщили буквально накануне. А необходимо было подобрать костюм, тщательно отрепетировать концертные номера. Композитор Игорь Корнилевич едва успел ночью, перед вылетом самолета, закончить аранжировку песни для большого оркестра. Однако нет худа без добра...

— В эти хлопотные дни убедилась, что «своих» композиторов надо искать среди молодых, современно мыслящих,— вспоминает Лилия Сандулеса.— Помимо Игоря Корнилевича, которого тогда открыла для себя, сотрудничаю с представителями «молодой украинской волны» — В. Быстрияковым, С. Бедусенко, И. Кирилиной, А. Злотником.

Кстати, песни именно этих композиторов составили ее первый диск-гигант, который готовит к выпуску фирма «Мелодия».

— Недавно вы начали работать в Черновицкой филармонии с группой «Селена». Что побудило вас расстаться с мюзик-холлом?

— Любое представление мюзик-холла позволяет выходить на сцену с двумя-тремя вещами. Не больше. Да и не всегда приходится петь то, что хотелось бы. А я люблю песни очень разные: лирические, балладные, гражданские, шуточные — лишь бы в них что-то брало за душу. Проблема и в том, что приблизительно восемь месяцев в году мюзик-холл в гастрольных поездках. Постоянная смена климата, иногда случайная аудитория. Один и тот же репертуар. Все это утомляет, порою изматывает: чувствуешь себя загнанной, опустошенной, хочется отдохнуть. Мечтаю иметь своего слушателя. И потом — приходится выкраивать время для студийных записей, съемок на телевидении. Теперь у меня появилась возможность подготовить самостоятельную концертную программу, о которой давно мечтала. Хочется полное выразить себя. Ищу новые выразительные средства, работаю над сценорафией. Словом, жизнь продолжается...

Лилия Сандулеса в пути. Она полна планов, надеется найти свежие краски в украинской эстрадной песне. ■

Анатолий МАТВЕЙЧУК

Фото А. ЛИДОВА

эйфорическое состояние. Скорее заметна некая озабоченность: она понимает — это обяывает ко многому, на плечи ложится новый груз. Уже сегодня нужно думать о том, что она принесет своим слушателям завтра.

Одиннадцать лет назад она сделала первый шаг на эстраде. Тогда, на первом Всесоюзном фестивале самодеятельного творчества, Сандулеса завоевала золотую медаль и диплом первой степени. Затем ездила по далам и всеям от Черниговской и Волынской филармоний, а последние пять лет работала солисткой Киевского государственного мюзик-холла.

ЛИЛИЯ САНДУЛЕСА В ПУТИ

На десятой звуковой странице вы услышите фрагменты музыки Эллингтона к мюзиклу «Искушенные леди».

рикано-советской, то есть объединить усилия наших музыкантов, художников, костюмеров, танцовщиков-вокалистов. Это было непросто, уверяю вас...

Евгений ТОМАХ, генеральный директор «Союзтеатра»: Да, это было трудно. Я поехал в Нью-Йорк посмотреть, как идет дело с возобновлением. До начала гастролей оставалось мало времени, а в смысле готовности спектакля, как у нас говорят, «конь не валялся». И вот что меня удивило. Никто не кричал «караул», спонсор — компания «Американ экспресс», видимо, знала, как умеет работать Джарвис, доверяла ей и актерам. И действительно, за 2 недели все было сделано, мюзикл был готов, и напечатана вся реклама. Качество? Спектакль поедет в 25 стран мира.

Мэри д'Арси, певица и танцовщица, гримировалась, когда мы к ней вошли...

— Мисс д'Арси, не кажется ли вам, что в вашей фамилии одна лишняя буква?

Мэри Д'АРСИ: Кажется. Если зачеркнуть «и», то меня будут звать Мэри д'Арк. Мои предки уехали в Америку из Ирландии, но корни нашего «дерева» остались во Франции, и в семье держится легенда, что мы состоим в дальнем родстве с Жанной д'Арк. Я знаю, что у Чайковского есть опера о Жанне, но мои вокальные амбиции не идут так далеко, хотя я очень бы хотела выступить на

Бродвее в какой-нибудь классической партии. Решаюсь на это только потому, что наш спектакль дал мне возможность «раскрыться» (для самой себя) в вокале, в танце. У нас такой скачок называется «стретч»...

Грегг БЕРДЖ, певец и танцовщик: В нашем шоу я танцую «стэп». Мне уже объяснили в Москве, что по-русски это называется «чететка». Но я танцую чететку не на ровной сцене, а на ступеньках лестницы, составляющей часть декорации. Коварный номер!..

Борис ФРУМКИН, дирижер: Все мы преодолевали трудности. Советские оркестранты, к примеру, играли по американским нотам, а они не похожи на наши — другая система записи. Музыка Эллингтона в спектакле обработана блестящим аранжировщиком Элом Коном. Нам, конечно, помогли музыканты из США — Терни — саксофонист, трубач Фэддис и барабанщик Джонсон. — поэтому не было проблем с темпами и ритмами...

Донна ВУД, певица: Для меня музыка к спектаклю — это также безусловная и элегантность, которая была присуща Эллингтону. Его благородство и простоту мы стараемся передать на сцене. А советской публике я хочу сказать то, что пою для нее в пленительной мелодии Эллингтона: «Люблю тебя безумно».

На фото А. ЛИДОВА и В. ПОЛУНИНА: Донна Вуд, Мэри д'Арси и Грегг Бердж.

БРОДВЕЙ В ЗАРЯДЬЕ

ПРОТЯНИ РУКУ ПОМОЩИ

Рубрика «Служба добрых советов» появилась в журнале недавно и, судя по почте, сразу привлекла внимание читателей. Сегодня на письма читателей отвечают шахтер объединения «Воркута-уголь» депутат Верховного Совета СССР Н. А. РОЖКОВ и научный сотрудник НИИтруда, москвич Ю. Е. ФРОЛОВ.

Письмо первое: «Недавно услышала рассуждения молодого человека о том, что нам нужен Сталин, тогда, мол, в стране будет порядок. Кровь стынет от такой тоски по «железному человеку». Как здравомыслящий юноша может мечтать о возвращении всего трагического, что связано со Сталиным. Откуда такое замшелое, убогое мышление? Да читает ли он вообще, смотрит ли телевидение? К сожалению, сейчас рассказывают о тех, кто пережил ужасы ежовских и бериевских лагерей, жесточайшие пытки, но ничего не говорят о садах-следователях, а они ведь бродят среди нас, живут и в ус себе не дуют. Я думаю, что надо обо всем рассказывать до конца, называть поименно этих мерзавцев-исполнителей. Нам нужна уверенность, что наказание — даже нравственное, моральное — всегда неотвратимо, что эти ужасы никогда не повторятся. Что вы, редакция, думаете об этом?»

Павлова, г. Ленинград

Н. А. РОЖКОВ, депутат Верховного Совета СССР: Да, сейчас нам многое стало известно о том, какие чудовищные беззакония творились при Сталине. Страдали, гибли ни в чем не повинные люди. Но, к удивлению, находятся защитники «гениального вождя», которые пытаются его выродить. Он, мол, сам никакого участия в преступлениях не принимал, и вины его потому нет. Нет, он виноват! То, что пережил наш народ во времена сталинщины, нельзя забыть, нельзя простить — очень многое на его совести. Страх, который укоренился в душах людей в 30-е и последующие годы, продолжает сковывать многих, не дает им в полную силу развернуться, включиться в перестройку. Вот какое наследство оставил нам Сталин. Он и сегодня тормозит наше движение к социализму. Иногда я вижу, что это чувство страха трансформируется в самые нелепые вещи. Например, к нам в Воркуту недавно приезжал один из членов правительства. Дороги, по которым он должен был проехать, буквально «вылизали» от снега до асфальта, а чуть в стороне — там только на тракторе можно проехать. Ну и, конечно, в магазинах сразу изобилие. Спрашивается, зачем, кому нужна эта показуха? А ведь все тот же страх перед начальником, боязнь сказать правду, показать все как

есть. Я считаю, что каждый из нас должен прежде всего сам избавиться от горького наследия прошлого, которое в нас еще держится, устранять в нашей жизни все, что напоминает времена сталинщины.

Письмо второе: «Пишу вам в отчаянии. Только что поругалась с родителями. Не знаю, как мне быть. Все дело в том, что я оканчиваю 10-й класс, а куда поступать учиться — не знаю. Мои родители настаивают, чтобы я пошла в инженерный институт, а у меня душа к нему не лежит. На этой почве у нас возникают ссоры. Я хочу найти применение своим способностям с пользой для людей. Учеба дается легко. Окончила полупуто детскую художественную школу, была участницей Всемирного конкурса детских рисунков в Женеве, имею диплом, награду. Моя лучшая подруга советует мне учиться на психолога. Она уверена, что во мне есть какое-то душевное качество, которое приближает ко мне людей; другие рекомендуют педагогику. Но родители видят во мне только инженера, а я чувствую, что это не по мне. Как мне разобраться в самой себе? Ведь впереди выбор, и, если честно, я боюсь его. Помогите мне, пожалуйста, протяните руку помощи. Только чем вы мне можете помочь?»

Т. Ковалева, г. Апатиты.

Ю. Е. ФРОЛОВ, научный сотрудник НИИ труда: Девушка абсолютно права в том, что трудно ей помочь, трудно советовать со стороны. Ясно одно — не надо идти в советуемый тебе институт, если нет твердой уверенности, что это тот самый институт, который тебе нужен. Такие трудности у молодых часто появляются из-за того, что перед ними разнообразный выбор и образуется многовариантность жизненного пути, создается конфликт мотивов, как мы говорим. Как тут быть? Думаю, надо ориентироваться прежде всего, на свое внутреннее убеждение, а не на внешние обстоятельства.

Профессия, работа тогда доставляют радость, когда делаешь то, что нравится самому, а не потому что это легко дается, а скорее, наоборот — потому что тяжело. Как говорят психологи, эмоциональные индикаторы призвания намного скорее выводят человека на его профессиональные достижения, чем, скажем, какие-то временные успехи — победы на конкурсах, олимпиадах и т. д. В общем, я думаю, каждый молодой человек, оказавшийся в ситуации, как эта девушка, должен внимательнее прислушаться к себе и постараться найти правильное решение без посторонней помощи.

Ответы на письма подготовила
Марина Наталич

2 (299) февраль 1989 г.
Год основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1989 г.

На первой странице
обложки:
фрезеровщик
В. М. Тимкин
(г. Чебоксары).
Фото А. Лидова

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
14.12.88.
Подп. к печ. 23.12.88.
Б 07954.

Формат 84 × 108¹/₁₆.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 1,68.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Уч.-изд. л. 3,50.
Тираж 270 000 экз.
Зак. 3529.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
Телефон редакции:
241-67-67.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН
Редакционная
коллегия:
Е. М. ВИНУКОВ,
В. В. ГАСПАРЯН,
М. А. ЗАХАРОВ,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Б. М. ПОЛЯКОВ,
М. М. РОЩИН,
Л. В. ТЕРЕХОВА,
А. Я. ЭШПАЙ.
Технический редактор
Л. Е. Петрова

ТЕАТР

Прошел год, а кажется, что это было совсем недавно: в феврале 1988 года в Театре эстрады состоялся удивительный вечер, посвященный творчеству режиссера Владимира Ивановича Точилина. Организаторы посвятили бенефис 30-летию его работы на эстраде.

В то время мы часто встречались с Владимиром Ивановичем в связи с новой совместной работой — спектаклем для артистов Пензенской филармонии Зинаиды и Олега Байкаловых. И вот наши общие друзья попросили меня написать «мемуары» о встречах с Точилиным к вечеру в Театре эстрады. Я выполнил их просьбу. Они оказались последними из того, что он услышал о себе при жизни, так нелепо и рано оборвавшейся...

До встречи с Владимиром Ивановичем, а случилось это десять лет назад, я знал нескольких эстрадных режиссеров, и поэтому сразу за такого его и не признал. По сравнению с теми, другими, — шустрými, ловкими, быстро конвертирующими чужие монологи и сценарии в свои рубли. — Точилин показался мне человеком совсем далеким от эстрады.

А было это в Московском Доме ученых, куда мы с коллегой Виктором Коклюшкиным пришли послушать тогда еще начинающего Ефима Шифрина с прицелом что-нибудь для него написать. За кулисами рядом с Ефимом сидел сугубо «штатский» человек, малоразговорчивый и много курящий. «Очень, очень рад, — сказал, он

нам совершенно безрадостным голосом, пожимая руки. — А мы уже думали, что вы не придете, как это водится у писателей».

Пройдет немного времени, и Коклюшкин станет основным автором Шифрина, а Точилин — режиссером их спектакля «Я хотел бы сказать...». Несколько моих монологов и сценок Точилин тогда же отрепетировал и выпустил «в свет» с другими артистами. И за годы нашего творческого сотрудничества я имел возможность убедиться, что именно Владимир Иванович — подлинный режиссер эстрады, режиссер Его Величества Номера! А не те, шустрые, ставящие представления на стадионах по схеме: «конница — налево, танки — направо, зрители — на месте, остальные — в кассу...».

Тогда, на февральском точилинском вечере в Театре эстрады, зрители смогли сами наблюдать таинство создания эстрадного номера. Сначала М. Жванецкий, А. Каневский, В. Коклюшкин, И. Иртенев, А. Трушкин читали свои произведения. Затем мастерством блеснули артисты — ученики именитника: А. Ткачева, Е. Шифрин, И. Рух, А. Сумишевский, С. Федосов. Не обошлось и без доброй актерской шутки.

Она прозвучала в короткой миниатюре, посвященной бенефицианту:
Артисты без него
прекрасно знают,
как им играть...
Писатели сами прекрасно знают,
как и для кого им писать...
Бухгалтеры не понимают,
за что ему платят деньги,
если играл не он и писал не он...
Зрители его вообще не знают...
Директора филармоний знают,
но приглашают
все равно неохотно...

РЕЖИССЕР ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НОМЕРА

Дружеский шарж
В. ШАРКОВОЙ
Фото
А. ШИБАНОВА

Недруги, чтобы он ни сделал,
говорят: «Не верю!»...
Газеты о нем молчат...
И все же, какая это
нужная профессия —
режиссер эстрады!..

А как же! Кого бы мы тогда
винили в своих неудачах,
если бы его не было?

Но юбилейный концерт был бы, конечно же, неполным, если бы его участники не вспомнили, что сам Точилин когда-то начинал как актер в знаменитой некогда эстрадной студии «Наш дом» при МГУ. Какое созвездие талантов подарил нам этот коллектив, руководимый М. Розовским! И все они пришли на вечер: А. Филиппенко, С. Фарада, А. Карпов, Л. Оганезов, М. Дунаевский...

«Припомнили» имениннику в тот вечер, что вместе с писателем Э. Успенским им создана любимая детворой АБВГДейка. И постоянное участие его в передачах «С добрым утром!», и у многих на памяти кинороли...

...Почему я сегодня вспоминаю февральский бенефис Владимира Ивановича, а не тот вечер, что состоялся недавно, девять месяцев спустя, в том же зале Театра эстрады? Вечера были очень схожи: на сцене те же писатели, те же актеры. Может, только их было чуть больше. И слова звучали те же: талантливый, добрый, искренний, веселый, отзывчивый. Но теперь с добавкой одного лишь глагола, сжигающего сердце, — «был»... Мне до сих пор трудно

в это поверить, поэтому вместо описания вечера памяти В. И. Точилина я привожу здесь заметки с вечера его бенефиса.

Я видел из-за кулис, как Владимир Иванович переживал за нас — авторов и актеров, стоявших по очереди на сцене у микрофона, а тубик с валидолом все крутился и крутился в пальцах его руки... ■

Владимир АЛЬБИН

На девятой
звуковой
странице —
выступления
М. Жванецкого
(монолог
«Так больше
жить нельзя»)
и А. Филиппенко
(песня Ю. Кима
«Отчаянная
перестрочная»)
на вечере памяти
В. И. Точилина
в Государственном
театре эстрады
14 ноября
1988 года.

«В программе «Взгляд» однажды выступала новая группа «Дельта-оператор». Песни понравились. Расскажите, пожалуйста, в «Кругозоре» об этом ансамбле».

М. Лебедев, г. Москва

Музыканты ансамбля уже успели поиграть в популярных (и непопулярных) группах, прежде чем объединились под руководством гитариста Анатолия Лобачева в январе 1988 года в «Дельта-операторе». Год — срок немалый. Чего же добился и к чему стремится сегодня молодой коллектив?

Музыканты начали с главного — выпустили магнитофонный альбом

НАЧАЛО-ВСЕГДА НАДЕЖДА

«Непонятные люди», записавшись у превосходного ленинградского звукорежиссера Юрия Морозова. Звучание отшлифовано — не скажешь, что это дебют. Музыкальные идеи преподносятся жгато, тексты лаконичны. И так называемая роковая жесткость, напор прекрасно сочетаются здесь с остро-публицистической направленностью материала.

Музыку и часть стихов к 12 песням альбома написал Борис Аксёнов, но есть песни на стихи И. Шкляревского, А. Кришты, А. Орла и даже писателя-сатирика А. Арканова. В песнях «Дырявый мешок», «Раб», «Одиночный боец», «Непонятные люди» перед нами проходит вереница трусливых, никчемных человечков-«героев» с психологией «моя хата с краю», которые «неправде учили детей»...

Есть и первые отклики на творчество коллектива. Назовем, пожалуй, один из самых значительных. Английский журнал «Диско-1» отметил группу «Дельта-оператор» в пятерке лучших советских рок-групп.

Впрочем, сами музыканты относятся к такой оценке чуть скептически: «Понимаем, что альбом — только начало, нужно сделать наши концерты необычными, зрелищными. Хотим, чтобы наши песни заставляли задуматься молодого человека о его месте в жизни».

Начало — это всегда надежды, всегда мечты. Как приятно в них погрузиться. Но, впрочем, пора представить участников ансамбля: Валерий Шаров — вокал; Анатолий Лобачев — гитара; Борис Аксёнов — клавишные; Алексей Писарев — бас-гитара; Андрей Бовкалов — компьютеры.

Меломаны скоро смогут ближе познакомиться с работами музыкантов. Фирма «Мелодия» выпускает большую пластинку группы под названием «Дельта-1».

Михаил САДЧИКОВ

12
На двенадцатой звуковой странице — песни «Дырявый мешок» (музыка и стихи Б. Аксёнова) и «Браво, театр!» (Б. Аксёнов, А. Орел).

Фото В. БАРАНОВСКОГО